

М.С. Третьякова

«ЖЕНСКАЯ УЧЕНОСТЬ» В ДИСКУССИЯХ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ АВТОРОВ В КОНЦЕ XVIII В.

Ключевые слова: «женская ученость», Просвещение, женское образование, филантропизм, салон, Германия.

Аннотация: В настоящей статье анализируются оценки отдельных немецких философов и публицистов конца XVIII века феномена «женской учености». В статье подчеркивается генетическая связь воззрений упомянутых авторов с воспитательной концепцией Жан-Жака Руссо. Автором предпринимается попытка поместить феномен «женской учености» в широкий социокультурный контекст, включающий в себя такие вопросы, как функционирование равноправной межгендерной коммуникации в рамках «смешанных обществ», тенденции развития женского образования, особенности читательской культуры в немецкоязычном пространстве указанного периода, а также просветительский дискурс о правах и обязанностях женщин во второй половине XVIII века. Автор настоящей статьи впервые рассматривает механизмы интеграции женщин в интеллектуальное пространство Германии конца XVIII в. с позиции теории «пяти стратегий самопрезентации» Э. Джонса и Т. Питтмана.

Вторая половина XVIII века в политически неоднородном немецкоязычном пространстве — период включения представительниц различных социальных категорий в активную социальную коммуникацию. Различным формам общественной коммуникации был присущ «смешанный» характер. Особым разнообразием и открытостью отличалась столица Пруссии — Берлин. В историко-топографическом справочнике от 1769 года «Описание Берлина и Потсдама»

берлинский издатель Фридрих Николаи называет берлинское светское общество смешанным, поскольку присутствие в нем женщин придавало коммуникации непринужденность, а аристократы, следуя правилам игры в иллюзорное равенство, «не отказывают во внимании» остальным и не требуют от них «подобострастного почтения», без которого не обходилось в обыденной жизни¹.

В связи с этим представляется любопытным рассмотреть механизмы включения женщин в интеллектуальное пространство Германии. М.-К. Хук-Демарль отмечает, что на рубеже XVIII–XIX вв. на смену «культурной женщине», которой подобало лишь «собирать приятные цитаты для поэтического альбома», приходит «ученая женщина», заинтересованная в актуальных социально-политических и научных вопросах². Сентиментальные и нравоучительные тексты, тиражировавшие представление о «чувствительной женской природе», уже не могли удовлетворить интерес читательниц. Вернуть женщину в лоно ее традиционных обязанностей, как утверждает Н. Россбах, могла лишь апелляция к тезису о специфической женской биологической натуре, которым вооружились ведущие немецкие интеллектуалы второй половины XVIII века — Кант, Гердер, Вильгельм фон Гумбольдт, Шиллер³. Впрочем, как отмечает Д. Сабате, нередко и сами интеллектуалки подавляли свое стремление к учености. Писательница Софи фон Ларош, публиковавшаяся под собственным именем и издававшая собственный журнал, провозгласила идеалом умеренно образованную, общитель-

1 Nicolai. 1769: 405.

2 Хук-Демарль. 2015: 154.

3 Rossbach. 2015: 61.

ную женщину⁴. Эмилия фон Берлепш осторожно высказывалась в защиту интеллектуальной автономии женщины, которая должна была совмещать обязанности супруги и матери и, в то же время, удовлетворять свой читательский интерес⁵.

Чтобы избежать обвинений в «учености» и, в то же время, присутствовать в маскулинном интеллектуальном дискурсе, амбициозной женщине конца XVIII в. приходилось соблюдать некоторые предустановленные правила игры. У. Векекль подчеркивает, что агрессивное вторжение в общественную жизнь могло повлечь за собой навешивание ярлыка «публичной женщины»⁶. Поэтому среди внешних благоприятных условий для интеграции женщины в публичную сферу — происхождения, развитой сети общественных коммуникаций, секуляризации культуры и пр. — значимую роль играла и грамотная саморепрезентация женщины. Эффективным теоретическим подспорьем в вопросах изучения мотивации и моделей социального поведения индивида является концепция «пяти стратегий самопрезентации» социальных психологов Э. Джонса и Т. Питтмана, назвавших состояние зависимости триггером к его преодолению⁷. В качестве стратегий завоевания социально значимых атрибутов — общественного признания, материального достатка, выгодного брака — Э. Джонс и Т. Питтман выделили «стремление нравиться», «самопродвижение», «запугивание», «пояснение примером» и «мольбу». Успех избранной стратегии определяется тем, насколько умело индивиду удастся сокрыть истинную мотивацию своих действий. Таким образом,

4 **Sabatè.** 2000: 131.

5 **Honegger.** 1989: 11.

6 **Weckel.** 1998: 6.

7 **Jones, Pittman.** 1982: 233.

цель настоящей статьи — рассмотреть наиболее типичные стратегии саморепрезентации женщин в интеллектуальном пространстве Германии в конце XVIII века и проследить за реакцией ряда немецкоязычных авторов на феномен «женской учености».

Для обеспечения равноправного диалога между членами «смешанного общества» требовалось признание его легитимности со стороны привилегированных участников. Одним из теоретиков «смешанного общества» был молодой проповедник, религиозный философ Фридрих Шлейермахер. Базисом любого общества, понимаемого им как совокупность форм социальности⁸, являлось «свободное общение». Оно представляло собой естественное поведение, «свободную игру», в которой каждый участник так или иначе влияет и поддается влиянию чужих мыслей и чувств⁹. Для поддержания атмосферы равенства Шлейермахер призывает проявить свою индивидуальность, отказавшись на время от привычек и действий, предписанных социальным статусом¹⁰. Иллюзорность равенства и единства должны были обеспечивать все участники коммуникации.

Наиболее популярной формой «смешанного общества» с участием женщин второй половины XVIII в. являлись салоны, или «чайные общества». Пространство «частной публичности», выведившее женщину за пределы семейного круга, позволяло ей стать равноправной участницей диалога¹¹. Аристократки и жены издателей, объединившие вокруг себя видных интеллектуалов, стремились оказывать влияние на

8 Schleiermacher. 1984: 170.

9 Schleiermacher. 1984: 170.

10 Schleiermacher. 1984: 172.

11 Неклюдова. 2008: 69-70.

литературные вкусы современников, подобно парижским *salonnières*. Скромные «чайные общества» (*Teegesellschaften*) Берлина, которыми владели женщины из среды еврейской финансовой и интеллектуальной элиты, собирали молодых интеллектуалов и артистов и отличались наибольшей душевностью.

Еврейские дома оказывали теплый прием своим посетителям. Желая интегрироваться в светскую жизнь прусской столицы, жены и дочери еврейских просветителей и банкиров стремились вызвать расположение светских дам и кавалеров, что было чрезвычайно сложно в условиях социально-правовой обособленности еврейской общины. Перед еврейскими женщинами стояла трудновыполнимая задача. С одной стороны, было необходимо легитимировать свое присутствие в интеллектуальном пространстве немецкоязычного мира. Для этого на первых порах требовалось демонстрировать манеры дамы из приличного общества. С другой стороны, нужно было нивелировать свою «еврейскость» — говорить по-немецки в совершенстве, одеваться по последней моде. Преодолевая культурно-религиозные барьеры, еврейские *ragvuni* брали на вооружение искусство обольщения.

«Прекрасной еврейкой», заслужившей симпатию Гёте, была дочь банкира Арона Мейера Марианна. Благожелательность тона корифея немецкой литературы вызывала, помимо расчетливого желания обрести читателя в среде берлинских салонов, привлекательная внешность Марианны. В письме Шиллеру от 1797 года Гёте сокрушался о том, что его не менее известный адресат до сих пор не имел возможности познакомиться с этим «удивительным созданием», знаменитой Марианной Мейер¹². Достоянием обще-

12 Varnhagen. 1843: 638.

ственности становились встречи Гёте и «прекрасной» Марианны, как и их переписка.

Супруга просветителя Маркуса Герца Генриетта в возрасте четырнадцати лет появляется на полотне Анны Тербуш в образе богини юности и грации, востребованном в аристократических кругах¹³. Поза Герц типична: черноокая девушка держит кубок так, будто собирается испить из него вина, а обнаженное плечо лишает ее образ невинности. Образ Герц отвечал представлениям зрителя-христианина об интеллектуальной привлекательности хозяйки салона и в то же время насыщал эстетическим удовольствием от библейской красоты девушки¹⁴. Миловидная Герц являлась объектом восхищения юного Вильгельма фон Гумбольдта. Двадцатилетний аристократ, пресытившийся холодной галантностью и рациональностью людей из своего окружения во дворце Тегель¹⁵, был очарован замужней Генриеттой Герц, окружившей себя почитателями¹⁶. Вопреки черствой морали рационалистов, которую Гумбольдт связывал с их честолубием и самовлюбленностью, в общении с Генриеттой и участниками ее кружка следовало руководствоваться сердечными порывами во имя любви к ближнему¹⁷.

Индивиду, придерживающемуся стратегии самопродвижения, полагается демонстрировать интеллектуальные компетенции. Успешно пройденное испытание определяется степенью «подобности» членам той социальной группе, к которой индивид стремится быть причастным. Гости дома четы Герц отмечали достоинства его хозяйки. Герц умела

13 Weissberg. 1993: 74.

14 Goože. 2003: 72.

15 Humboldt. 2013: 193.

16 Herz. 1858: 157.

17 Humboldt. 2013: 203.

терпеливо выслушать своего собеседника, выразительно читала, сочиняла стихи, бегло разговаривала на английском, французском¹⁸. Под ее руководством Шлейермахер постигал основы итальянского, а Вильгельм фон Гумбольдт обменялся с Йеттой письмами на иврите.

Соблюдать меру в интеллектуальных притязаниях, дабы не прослыть «ученой», являлось подчас непростой задачей. Анонимность большинства произведений, написанных рукой женщины-автора, была продиктована желанием скрыть «постыдное» стремление к публичности. Необходимость писать ради заработка доставляла Терезе Хубер душевные тревожения, поскольку страдала ее «женственность» — ее право быть женщиной, стоящей в тени своего мужа и не выставляющей себя напоказ¹⁹. В первом браке с Георгом Форстером, не желавшим уронить мужское достоинство тем, что его супруге придется зарабатывать на жизнь переводами, писательская активность Терезы сводилась к минимуму²⁰. Скептицизм в отношении женщин-авторов выражала и мать Гёте, фрау Катарина Элизабет, обвинявшая Софи фон Ларош в том, что та навлекает беды на своих детей, публикуя романы под своим именем²¹.

Мужская галантность заканчивалась там, где начинались претензии на гражданское равноправие. Французская революция внесла свои коррективы в характер дискуссий по вопросу о правах женщин. Французские женщины, боровшиеся за право носить трехцветную кокарду наряду с санкюлотами, искали союзников среди мужчин. К началу революции

18 Böttiger. 2013: 483.

19 Melton. 2004: 155.

20 Forster. 1843: 301.

21 Дюлон. 2008: 424.

во Франции дебаты о положении женщин обрели социально-политический оттенок. В 1790 году выходит эссе просветителя Жана Антуана Николя де Кондорсе, обращенное к членам Учредительного собрания, о наделении женщин правами гражданства, главным образом, избирательным правом²². Исключение женщин из общественно-политической жизни Кондорсе называл результатом грубого обычая, коренившегося в самом несправедливом социальном устройстве, основанном на отношениях господства и подчинения²³.

Однако идеи Руссо о предназначении женщины получили куда более широкое распространение в немецкой дидактической литературе. Ключевую роль здесь играло представление о биологически детерминированных различиях полов. Порядок вещей, при котором женщина «верховодит» в интеллектуальных беседах, подвергся критике Жан-Жака Руссо в его воспитательном романе «Эмиль». Пассивность и подчинение женщины мужчине Руссо обосновал природной необходимостью²⁴. Неприятие философа вызывали «ученые и остроумные девы», «устраивающие в доме литературное судилище и председательствующие в нем»²⁵. Презиравший «распущенность» женщин из высшего общества, вторгающихся в публичную сферу, Руссо возвращал современниц к традиционной иерархии, где главным достоинством их счи-

22 **Condorcet.** 1912.

23 **Condorcet.** 1912: 12. По мысли просветителя, эта несправедливость обусловлена соображениями «нецелеобразности» дарования гражданских прав женщинам и прочим непривилегированным категориям населения, исполняющим волю власть имущих мужчин.

24 **Руссо.** 1981: 433.

25 **Руссо.** 1981: 502. Язвительность Руссо была направлена против салонных дам. Это не мешало Руссо пользоваться покровительством Луизы д'Эпина, салон которой был прибежищем энциклопедистов.

тались целомудрие и скромность²⁶. Желание женщины быть на виду было объявлено противоестественным²⁷.

Чувствительность и физическая слабость женщины, противопоставленная холодной рассудочности и силе мужчины, обусловила эту инаковость в дискурсе эстетов²⁸. Французская мода на равноправие не могла не тревожить немецких ревнителей порядка. Женщина, по мнению Шиллера, от природы наделена «в высшей степени наивной сущностью», инфантильностью, которая выражается в отчуждении от культуры²⁹. Классик ценит женщину, способную блюсти наивную чистоту и нравственную необходимость, так же высоко, как и гения, склонного к самодисциплине и творческой свободе.

Одним из авторитетных педагогов последней четверти XVIII века был филантропист, детский писатель, директор филантропина³⁰ в Дессау (Анхальт-Дессау) Иоахим Кампе. Ключевым понятием его дидактической системы было «предназначение», которое он понимал как миссию индивида, его социальную позицию, направленную на достижение

26 **Руссо**. 1981: 437.

27 **Руссо**. 1981: 502.

28 **Rosbach**. 2015: 60.

29 **Schiller**. 1827: 16-17.

30 Филантрописты выступали за переориентацию школьного образования на практически полезные знания, а также учет психофизиологических особенностей развития детей разных возрастов. Филантропин — закрытая школа-интернат, созданная по проекту филантропистов. Первый филантропин, возникший в Дессау по проекту Иоганна Базедова в 1774 году, готовил подопечных для поступления в университеты (дети из состоятельных семей), школьного преподавания (дети из семей среднего достатка) и работы в качестве прислуги (дети из бедных семей). Подобное распределение воспитанников по уровню дохода обосновывалось актуальным социальным порядком, в котором «одни приказывают, другие подчиняются». См.: **Campe**. 1787: 71.

всеобщего блага³¹. Конечной целью воспитания было объявлено достижение «полноценности» существования³², которое суть поддержание существующего порядка, с его социальным и гендерным неравенством³³.

Свои взгляды на женское образование Кампе изложил в труде «Отцовский совет дочери» 1789 года, обращенном к воображаемой наследнице. Предназначение женщин в гражданском обществе — быть женами, матерями и рачительными хозяйками³⁴. Зависимость женщины от мужчины он рассматривает как природную и социальную необходимость³⁵. «Свободное состояние», как возможность реализовывать себя в обществе — привилегия мужчин в то время, как семейный очаг — территория, где женщина должна раскрыть весь свой потенциал³⁶.

Иоахим Кампе демонстрировал скептицизм в отношении каких-либо образовательных институтов для женщин. Будучи сторонником домашнего образования как для юношей, так и для девушек, педагог, тем не менее, ограничивал возможности интеллектуального развития последних некоторыми «полезными» книгами и умениями, необходимыми в будущей семейной жизни³⁷. Эти практические знания и умения следовало добывать путем собственных наблюдений и посредством коммуникации со сведущими людьми. Таковую интеллектуальную компетенцию, как владение иностранными языками, педагог не считал качеством, достойным

31 Кампе. 1787: 318.

32 Кампе. 1787: 322.

33 Кампе. 1787: 71.

34 Кампе. 1790: 14.

35 Кампе. 1790: 21.

36 Кампе. 1790: 26-27.

37 Кампе. 1790: 85.

благонравной женщины. По его мнению, все светские таланты — музыкальность, владение кистью, танцы — оказываются неподходящими для добропорядочной домохозяйки качествами³⁸. Женщин надлежало обучать шитью, готовке, управлению домашним хозяйством³⁹. Таким образом, весь интеллектуальный потенциал женщины, по замыслу Кампе, следовало направить на выполнение традиционно «женских» занятий.

Следует отметить, что в целом воспитательные учреждения для девушек второй половины XVIII века отвечали представлениям Иоахима Кампе о женском образовании. Так, воспитанницы пансионата при Ордене Святой Урсулы в Дюссельдорфе получали элементарные навыки чтения, письма, счета и, главным образом, обучались рукоделию⁴⁰. Состоятельные семьи нанимали для девочек домашних педагогов, либо отдавали дочерей в пансионаты с широким выбором учебных дисциплин. В таких заведениях преподавались чтение, письмо, счет, французский, основы религии, география, история, музыка, танцы и пр.

Следует вновь обратиться к воззрениям Иоахима Кампе. «Ученость» женщины он, вслед за Руссо, причисляет к противоестественному порядку вещей. Задача женщины — не докучать мужу, а составлять для него приятный досуг⁴¹. Поэтому, пишет Кампе, мужчина нуждается в супруге, которая развеет его дурные мысли в трудную минуту, а не в «ученой собеседнице», читающей лекции на темы, предложенные модными журналами. Здравый смысл супруги, лишенной

38 **Campe.** 1790: 127.

39 **Campe.** 1790: 89-90.

40 **Jacobi.** 2013: 153.

41 **Campe.** 1790: 48.

интеллектуальных амбиций, продолжает педагог, поможет ей стать лучшим примером для детей, чем всезнайство и начитанность «ученой женщины». Данная установка полностью коррелировала с уверенностью Кампе в необходимости сохранять существующий природный и социальный порядок, покоящийся на патриархальных ценностях. Обращаясь с отцовским советом к дочери, педагог также молится о том, чтобы Провидение уберегло ее от стези супруги ученого мужа, пристально оценивающего интеллектуальные способности спутницы жизни⁴².

Противоестественность «женской учености», по мнению Кампе, была обусловлена биологически.

Среди всех женщин, притязавших на сомнительное удовольствие — невероятную начитанность и научные познания, ни одной я не помню, которую бы ... не постигла печальная участь. Каждая из них ... страдала нервными заболеваниями⁴³.

Стремясь к научным познаниям, рассуждает педагог, женщина переступала через свою хрупкую природную организацию. Таким образом, спутником «женской учености» является психическое нездоровье. Мужчины же, по мысли Кампе, обладающие крепкими нервами и телосложением от природы, закаляли характер, занимаясь всевозможными научными изысканиями.

Однако женщины, по мнению Кампе, забыли о своем природном и общественном предназначении. Посетовав на то, как много «расплодилось поэтесс, романисток и художниц», педагог обрушился с критикой на «манию писательства»⁴⁴. Авторы-женщины пренебрегали своими прямыми

42 Кампе. 1790: 48.

43 Кампе. 1790: 52.

44 Кампе. 1790: 65-67.

обязанностями в угоду тщеславию и стремлению «осчастливить рецензентов»⁴⁵.

Подобным образом критиковалась и «мания читательства». «Страдания молодого Вертера» Вольфганга Иоганна Гёте заставили немецких юношей и девушек, по выражению кантианца Иоганна Бергка, изнывать от любовной тоски⁴⁶. «Читательская лихорадка» (*Lesesucht*) определялась им как одержимость. Поглощенные чтением «вредной» литературы — сентиментальных и мистических романов, молодые люди пребывали в вымышленном мире, приобретали чрезмерную нервозность⁴⁷. Рост числа неверующих теолог Иоганн Готтфрид Гош связывал с чтением подобных книг, которые, по его убеждению, препятствовали распространению идей Просвещения и поддержанию нравственности⁴⁸. Особо уязвимыми к воздействию «вредной» литературы были женщины, светские угодники и молодежь. Романы, фантастические рассказы и «убогие» стихи, знанием которых щеголяли в свете, отвлекали женщин от выполнения их домашних обязанностей, а молодых людей — от серьезного отношения к долгу перед обществом и государством⁴⁹.

Взгляды филантропистов тиражировались в нравоучительной литературе. Юрист Эрнст Брандес увидел причину падения нравственности в неестественном положении вещей, при котором женщина «находится не на своем месте», то есть присутствует в публичной жизни⁵⁰. В соответствии с представлениями о галантности, женщины рассуждают о

45 Campe. 1790: 65-66.

46 Bergk. 1799: 58.

47 Bergk. 1799: 264.

48 Hoche: 1794: 50.

49 Hoche: 1794: 64.

50 Brandes. 1787: 23-25.

философии, литературе и воспитании и понукают мужчинами⁵¹. Брандес воспроизводит довольно распространенный тезис о корреляции падения Римской империи с разрушением традиционных устоев общества, ростом влияния женщин на политическую закулису⁵².

Вышеупомянутый издатель Фридрих Николаи, восторгавшийся умением берлинских женщин быть приятными собеседницами, тем не менее, предостерегал их от соблазна продемонстрировать «ученость». Светская дама должна иметь хорошие коммуникативные навыки, быть в меру начитанной, уметь показать свою эрудицию, которая не имеет ничего общего с «манерной ученостью» и «вычурным остроумием»⁵³. Светская коммуникация между мужчинами и женщинами, по свидетельству Николаи, конструируется таким этическим регулятором, как «благопристойность».

Однако спустя несколько десятилетий Николаи издает «Доверительные письма», написанные от лица вымышленной вдовы Адельхейд. Издатель не щадит берлинские салоны, которые называет *bureau d'esprit* на французский манер⁵⁴. Вдова Адельхейд, воплощение женской скромности, не желает посещать эти общества, поскольку их посетители были озабочены вниманием к своей персоне, подражали героям популярных романов и оттачивали свое остроумие⁵⁵. Острые критики издателя было направлено на «ученых кокеток» — светских дам, стремившихся завоевать внимание аудитории. Таким образом, Николаи связывает потребность женщин в демонстрации своих познаний с желанием нра-

51 Brandes. 1787: 8-10.

52 Brandes. 1787: 37.

53 Nicolai. 1769: 405.

54 Nicolai. 1799: 80.

55 Nicolai. 1799: 23.

виться⁵⁶. Автор романа отказывает таким женщинам в умении любить и других качествах, присущих женской природе, считая, что все социальные действия ученых кокеток служат их честолюбию. Очевидно, что успех женщины в светской коммуникации с мужчинами определялся рамками тех требований, которые ограничивали ее потенциальную конкурентоспособность и амбициозность. Обвинения в честолюбии и невыполнении своих обязанностей выглядели, как попытка пристыдить, выставить на всеобщее обозрение непристойное стремление женщины к доминированию.

Судить о том, что именно подразумевалось под «женской ученостью», позволяет переписка немецкого философа, лидера еврейского Просвещения Мозеса Мендельсона и его невесты Фромет Гугенхайм, представительницы еврейской банкирской династии вольного города Гамбурга. Еврейское происхождение не помешало Мендельсону, предоставившему в своем труде «Федон» рациональные аргументы в пользу существования бессмертной души, завоевать признание немецкой читательской аудитории. Дом философа в Берлине был открыт для интеллектуальных собраний. Философ заботился о своей репутации и желал увидеть в будущей супруге идеальную спутницу жизни. Мендельсон нанял для невесты домашнего учителя французского и исправно следил за успехами Фромет⁵⁷. Мендельсон стремился также сформировать у невесты художественный вкус и способность к суждению⁵⁸. Он предлагает к прочтению свои «Философские беседы», которые рекомендует читать с другом се-

56 Nicolai. 1799: 50.

57 Mendelssohn. 1994: 9, 50, 83.

58 Mendelssohn. 1994: 46.

мый Мозесом Вессели, для разъяснения некоторых положений работы⁵⁹.

Вместе с тем, просветитель увещевал будущую супругу не переусердствовать в своем учении⁶⁰. Подобно Иоахиму Кампе, Мендельсон не приемлет «женскую ученость»⁶¹. Пристрастие Фромет к чтению он осудил. Мендельсон с явным недовольством писал невесте:

... Вы употребляете чрезмерное усердие в чтении... Что Вы хотите этим продемонстрировать? Стать ученой? Упаси Вас от этого Бог! Умеренное чтение украшает женщину, но не ученость. Девица, зачитывающаяся до покраснения глаз, заслуживает осмеяния⁶².

Умеренная жажда знаний, по его мнению, является достоинством благородной дамы, в то время как «ученость» выставляет ее на посмешище. Философ просит Фромет позаботиться о своем здоровье, выбирать литературу на свой вкус и читать понемногу и не спеша⁶³. В последующих письмах Мендельсон выражал удовлетворение тем, что невеста разделяет его взгляды о том, какой должна быть идеальная женщина. В шуточной манере он пишет, что доволен своим выбором, поскольку Фромет — «умна, воспитана, скромна, говорит мало, но по делу»⁶⁴.

Таким образом, Мозес Мендельсон проявлял заботу о психическом здоровье невесты, предостерегая ее от беспрерывного чтения. Более, чем интеллектуальное развитие, Мендельсона интересовало «моральное совершенствование» будущей супруги. Для Мендельсона, разделявшего мораль-

59 Mendelssohn. 1994: 51-52, 74.

60 Mendelssohn. 1994: 81-82.

61 Feiner. 2009: 65.

62 Mendelssohn. 1994: 82.

63 Mendelssohn. 1994: 18.

64 Mendelssohn. 1994: 84.

ные максимы немецкого Просвещения, чрезвычайно важной задачей являлось «усовершенствование ума и души» человека⁶⁵. Философ наставляет девушку в необходимости быть сочувственной и отзывчивой, призывает ценить и беречь дружбу⁶⁶. Не менее, чем моральное усовершенствование, Мендельсона заботило и эстетическое воспитание невесты. Он следил за формированием у Фромет хорошего художественного вкуса. Так, предоставив девушке для ознакомления роман Руссо «Юлия, или новая Элоиза», философ остался доволен тем, что Фромет критически отнеслась к его содержанию, поскольку оно могло нанести ущерб добродетельности и вкусу невесты.

Право женщин на свободу творчества защищалось самими женщинами. Риторике Иоахима Кампе раскритиковала писательница еврейского происхождения Эстер Гад в своем эссе «Об утверждениях господина Кампе касаясь женской учености» 1798 года. Позиционируя себя как пример женщины, наделенной жадой знаний и амбициями, Гад возмущается советом педагога не заниматься «писательством» и ученой деятельностью⁶⁷. Вслед за Мэри Уолстонкрафт, Гад утверждает, что только образованная женщина способна внушить своим детям истинную мораль и научить их правильно исполнять свои обязанности⁶⁸.

Еще одним голосом в защиту гражданских прав женщин в Германии был трактат «Об улучшении гражданского поло-

65 О необходимости приобщения женщин к ограниченному научному знанию высказывались и другие еврейские просветители. Так, Давид Фридендер, соратник Мендельсона, пользуясь лексическими конструкциями филантропистов, призывал еврейских женщин «развивать/образовывать разум и сердце» (нем. *Kopf und Herz bilden*). **Friedländer**. 2005: 73.

66 **Mendelssohn**. 1994: 18.

67 **Gad**. 1798: 579.

68 **Gad**. 1798: 581.

жения женщин» 1792 года, написанный бургомистром Кенигсберга Теодором Готтлибом фон Гиппелем. Вслед за Кондорсе, Гиппель основывает свои требования на теории естественного права и нуждах гражданского общества⁶⁹. В защиту своих слов автор апеллирует к примерам «великих женщин» — Екатерины II, Марии Терезии, Анны Комниной⁷⁰. Называя патриархальный порядок тиранией и рабством для женщины, автор трактата видит корень зла в мужском самолюбии, не допускающем умственное или иное превосходство женщины⁷¹. Гиппель яростно критикует Национальный Конвент Франции, не пожелавший включать в конституцию упоминание о женщине-гражданке⁷² и призывает предоставить «благородной половине» человечества доступ к образованию и профессиональной деятельности⁷³.

Таким образом, активное вовлечение женщин в социокультурную жизнь Европы во второй половине XVIII века породило ответную реакцию со стороны консервативных авторов. Представительницы прекрасного пола, пытавшиеся рассуждать о высоких материях наравне с интеллектуалами-мужчинами, определялись ревнителями патриархальных устоев как «ученые». Популярность взглядов Жан-Жака Руссо, отводившего женщине роль пассивной половины человечества, предопределила отношение общественности к «ученым женщинам» как к «оригиналкам» и «выскачкам». Просвещенное интеллектуальное сообщество германских земель второй половины XVIII века создавало условия для

69 Hippel. 1981: 212.

70 Hippel. 1981: 37.

71 Hippel. 1981: 102.

72 Hippel. 1981: 120.

73 Hippel. 1981: 211.

равноправной межгендерной коммуникации, однако оказалось неспособно переварить стремление женщин к научному познанию. Традиционно «женскими» обязанностями по-прежнему считались воспитание детей — будущих «полезных» граждан, ведение домашнего хозяйства и соответствие критериям хорошей жены. Однако в XIX веке с началом индустриализации в Германском союзе происходит включение женщин в систему трудовых отношений. В середине века, на волне Мартовской революции, оформилось женское движение Германии, потребовавшее предоставления женщинам образовательных и избирательных прав.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

Руссо. 1981 — Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или о воспитании. М., 1981. Т. 1.

Astell. 1701 — Astell M. A Serious Proposal to the Ladies for the Advancement of their True and Greater Interest. London, 1701.

Bergk. 1799 — Bergk J. A. Die Kunst, Bücher zu lesen. Jena, 1799.

Brandes. 1787 — Brandes E. Über die Weiber. Leipzig, 1787.

Böttiger. 2013 — Böttiger C. A. Tagebuch // Henriette Herz. In Erinnerungen, Briefen / Hrsg. von R. Schmitz. Berlin, 2013. S. 482-484.

Campe. 1787 — Campe J. H. Allgemeine Revision des gesammten Schul- und Erziehungswesens. Wien, Wolfenbuettel, 1787.

Campe. 1790 — Campe J. H. Väterlicher Rat für meine Tochter. Ein Gegenstück zum Theophron. Der erwachsenen weiblichen Jugend gewidmet. Frankfurt am Main, Leipzig, 1790.

Condorcet. 1912 — Condorcet M. J. On the admission of Women to the Rights of Citizenship. Letchworth, 1912. P. 5-14.

Friedländer. 2005 — Friedländer D. Über den besten Gebrauch der heiligen Schrift // Chevrat Chinuch Nearim. Lerne Vernunft! Jüdische Erziehungsprogramme zwischen Tradition und Modernisierung. Bd. 1. Münster, New York, 2005. S. 61-81.

Forster. 1843 — Forster G. An seiner Frau, 25. Dec, 1792 // Georg Forster's sämmtliche Schriften. Leipzig, 1843. Bd. 8. S. 301.

Gad. 1798 — Gad E. Einige Ässerungen über Hrñ. Kampe'sns Behauptungen, die weibliche Gelehrsamkeit betreffend // Der Kosmopolit. Eine Monathsschrift zur Beförderung wahrer und allgemeiner Humanität. Halle, 1798. Bd. 3. S. 577-590.

Herz. 1858 — Herz H. Ihr Leben. Ihre Erinnerungen / Hrsg. von J. Fuerst. Berlin, 1858.

Hippel. 1981 — Hippel T. G. Über die bürgerliche Verbesserung der Weiber. Vaduz, Liechtenstein, 1981.

Hoche. 1794 — Hoche J. G. Vertraute Briefe über die jetzige abentheurliche Lesesucht und über den Einfluss derselben auf die Verminderung des häuslichen und öffentlichen Glücks. Hannover, 1794.

Humboldt. 2013 — Humboldt W. An Henriette Herz, 1786 // Henriette Herz. In Erinnerungen, Briefen / Hrsg. von R. Schmitz. Berlin, 2013. S. 191-194.

Humboldt. 2013 — Humboldt W. An Henriette Herz, Donnerstag abend um 12 ½ Uhr // Henriette Herz. In Erinnerungen, Briefen / Hrsg. von R. Schmitz. Berlin, 2013. S. 202-204.

Mendelssohn. 1994 — Moses Mendelssohn. Briefwechsel (1761-1785) / Moses Mendelssohn. Gesammelte Schriften. Stuttgart, Bad-Cannstatt, 1994. Bd. 20.

Nicolai. 1769 — Nicolai F. Beschreibung der königlichen Residenzstädte Berlin und Potsdam und daselbst befindliche Merkwürdigkeiten. Berlin, 1769. Bd. 2.

Nicolai. 1799 — Nicolai F. Vertraute Briefe von Adelheid B. an ihre Freundin Julie S. Berlin, Stettin, 1799.

Roszbach. 2015 — Roszbach N. Wissen, Medium und Geschlecht. Frauenzimmer-Studien zu Lexikographie, Lehrdichtung und Zeitschrift. Frankfurt am Main, Berlin, Bern, Bruxelles, New York, 2015. 246 S.

Schiller. 1827 — Schiller F. Über naive und sentimentale Dichtung / Friedrich von Schiller's sämtliche Werke. Augsburg, 1827. Bd. 60.

Schleiermacher. 1984 — Schleiermacher F. Versuch einer Theorie des geselligen Betragens // Kritische Gesamtausgabe. Schriften aus der Berliner Zeit. Berlin, New York, 1984. – S. 163-184.

Varnhagen. 1842 — Varnhagen K. Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften. Leipzig: Brockhaus, 1843. Bd. 4.

ЛИТЕРАТУРА

Дюлон. 2008 — Дюлон К. От беседы к творчеству // История женщин на Западе. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. В 5 т. / под общ. ред. Ж. Дюби и М. Перро. СПб., 2008. Т. 3. С. 407-434.

Неклюдова. 2008 — Неклюдова М. С. Искусство частной жизни: Век Людовика XIV. М., 2008.

Feiner. 2009 — Feiner S. Moses Mendelsohn. Ein jüdischer Denker in der Zeit der Aufklärung. Göttingen, 2009.

Goože. 2003 — Goože M. Posing for Posterity: The Representations and Portrayals of Henriette Herz as «Beautiful Jewess» // *Body Dialects in the Age of Goethe*. Amsterdam – New York, 2003. P. 67-95.

Honegger. 1989 — Honegger C. Weibliche Selbstreflexion um 1800 // *Feministische Studien*. 1989. Bd. 2. S. 7-22.

Jacobi. 2013 — Jacobi J. Mädchen- und Frauenbildung in Europa. Von 1500 bis zur Gegenwart. Frankfurt am Main, New York, 2013.

Jones, Pittman. 1982 — Jones E., Pittman T. Toward a General Theory of Strategic Self-Presentation // *Psychological Perspectives on the Self* / Ed. by J. Suis. Vol. 1. Hillsdale, New Jersey, London, 1982. P. 231-262.

Melton. 2004 — Melton J. The rise of the public in Enlightenment Europe. Cambridge, 2004.

Sabatè. 2000 — Sabatè D. Schöne Seele, denkender Körper: das Weiblichkeitsbild in Sophie La Roches Geschichte des Fräuleins von Sternheim // *Revista de Filologia Alemana*. 2000. Vol. 8. S. 129-141.

Weckel. 1998 — Weckel U. Zwischen Häuslichkeit und Öffentlichkeit: die ersten deutschen Frauenzeitschriften im späten 18. Jahrhundert und ihr Publikum. Tübingen, 1998.

Weissberg. 1993 — Weissberg L. Weibliche Körpersprachen // *Von einer Welt in die andere. Jüdinnen im 19. und 20. Jahrhundert*. Wien, 1993.